

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

Г. Алмонд

Вниманию читателей предлагается сокращенный перевод главы из готовящегося Институтом "Открытое общество" и издательством "Вече-Персей" учебника для политологов под редакцией Х.-Д. Клингеманна и Р.Гудина "Политическая наука: новые направления", вышедшего в Oxford University press в 1996 г.* Эта книга по-своему уникальна, поскольку подытоживает развитие политической науки в мире за последние двадцать лет.

В данной работе, как и в большинстве западных учебников, отсутствует анализ развития политической науки во многих регионах мира, включая Россию. Но публикуемый отрывок, описывающий историю становления современной политологии на Западе, в первую очередь в США, показывает, что формирование этой дисциплины и ее исследовательской инфраструктуры, как и многие собственно политические процессы, имеет много общего с тем, что происходит сейчас в России.

Гэбриел Алмонд — один из выдающихся современных политологов, хотя здесь он выступает в качестве своеобразного хрониста. История западной политологии, написанная им в лицах, живо и с подробностями, интересна и сама по себе. Но российскому читателю эта история может быть интересна вдвойне: она не просто описывает опыт США и Западной Европы с их традициями, но и выявляет определенные общие закономерности. Важнейшая из них — это прямая связь между наукой о политике и самой политикой. Политология становится востребованной тогда, когда в обществе идут процессы демократизации. Реальное знание о политических процессах жизненно важно для политической стабилизации, борьбы с фашистской опасностью, решения практических задач международной и внутренней жизни.

Тем, кто занимается практикой, принимает решения, участвует в законодательном процессе или руководит партией, необходимо понимать, что именно представляет политология как наука, чего от нее следует ожидать и требовать, а чем она, по определению, не должна заниматься. Исторические уроки, описанные Алмондом, вполне заслуживают внимания российских политиков.

Первый из них — это понимание того, что польза для практики от политической науки прямо пропорциональна ее **независимости** и **неангажированности**. Наш российский опыт последнего времени дает немало примеров того, что эта несложная в общем-то идея плохо усваивается. Политики всех ориентаций упорно стремятся обзавестись "карманными" политологами, которые бы обслуживали их частные интересы. История западной политологии показывает, что независимость мнений и объективность (насколько она вообще возможна в гуманитарном знании) дают лучшие результаты, чем доморощенные центры. Обеспечивается такая независимость разными факторами: традиционной академической свободой университетов, финансированием исследований как из частных, так и из государственных фондов, помощью профессиональным ассоциациям, которые "изнутри" вырабатывают стандарты качества и многим другим.

Не менее важен и другой вывод из истории, рассказанной Алмондом. Это понимание того, что политология — сложная **профессиональная** деятельность, которой должны заниматься специально обученные люди. Опять же, нам этот урок дается с большим трудом. У нас — собственное разумение профессионализма в области политических наук. Наследство советского периода (хотя в нем было немало позитивного) дает себя знать прежде всего нехваткой серьезного знания о реальных политических процессах, поверхностными публицистическими опытами, наплывом модных псевдополитологов.

Сложности становления профессионального сообщества российских политологов — отдельная тема, о которой, надеюсь, мы еще поговорим. Сегодня предлагаем познакомиться с тем, как этот процесс шел в мире в XXв.

Е.ШЕСТОПАЛ
профессор МГУ, вице-президент Международной ассоциации политических наук (IPSA)

* New Handbook of Political Science. Ed. by R.Goodin & H.-D. Klingemann. — Oxford, Oxford University Press, 1996.

Если бы мы построили графическую модель истории развития политической науки в виде кривой, отражающей прогресс в изучении политики на протяжении столетий, то начать ее следовало бы с зарождения этой науки в Древней Греции. В эпоху расцвета Древнего Рима кривая приподнялась бы немного вверх, потом шла примерно на одном уровне весь период средневековья, существенно выросла во времена Ренессанса и сделала резкий скачок в XX в., когда политическая наука обрела подлинно профессиональный характер. Эта кривая отразила бы и качественное совершенствование представлений по двум основополагающим проблемам политической науки: о свойствах политических институтов и о критериях их оценки.

В течение XX в. данная гипотетическая линия круто поднималась бы трижды. Первый пик приходится на межвоенные десятилетия (1920-1940 гг.) и связан с Чикагской школой — именно тогда были разработаны программы эмпирических исследований, в которых существенное внимание уделялось психологической и социологической интерпретациям политики, а также подчеркивалось значение количественных факторов. Второй, более значимый для развития политических исследований — наблюдается в период после второй мировой войны и отмечен распространением во всем мире поведенческого подхода к политике, совершенствованием традиционных политологических субдисциплин и ростом профессионализации (что нашло отражение в создании научных учреждений, многочисленных сотрудников которых объединяли не столько иерархические структуры, сколько деловые качества, а также в образовании профессиональных ассоциаций и обществ специалистов, издании научных журналов и т.п.). Третий подъем указывает на введение логико-математических методов исследования и применение экономических моделей при подходе к исследованиям с позиций “рационального выбора” и “методологического индивидуализма”.

Профессионализация политической науки в XX веке

Во второй половине XIX в. и на протяжении первых десятилетий XX в. быстрый рост и процесс концентрации промышленного производства в Соединенных Штатах наряду с разрастанием крупных городов, население которых в основном составляли выходцы из небольших сельских населенных пунктов и иммигранты, привели к благоприятной ситуации для широкомасштабной коррупции. Она, в свою очередь, создала для дельцов от политики, обладавших изрядными материальными возможностями, ситуацию, при которой несложно было организовать и дисциплинировать значительные массы избирателей, заполонивших такие крупные города, как Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Чикаго, Сент-Луис, Канзас-Сити и др. Слова “босс” и “машина”, наряду с постоянной борьбой за реформы, стали знаками американской политической жизни конца XIX — начала XX вв. Реформистские движения, вдохновленные идеологией эффективности и поддержанные городскими деловыми и профессиональными элитами, привлекали на свою сторону талантливых журналистов, лучшие средства массовой информации и ученых из академических кругов. Подкуп политиков представителями корпораций, стремившихся заключить выгодные контракты, добиться привилегий и защиты от государственных ограничений, стал центральной темой нараставшего вала публицистических “обличительных” материалов в прессе, которые раскрывали общественности неприглядную картину политической инфраструктуры, втянутой во всевозможные злоупотребления и махинации, и выявляли “группы давления” и “лобби”, глубоко пронизавшие и коррумпировавшие политические структуры на местном, региональном и федеральном уровнях.

В межвоенные годы американская политическая наука восприняла как вызов многочисленные “обличительные” публикации, раскрывающие нарушения и злоупотребления внутри политической инфраструктуры, и специалисты стали посвящать серьезные монографические исследования деятельности лоббистов и групп давления. Питер Одегард (1928)* написал об американской антисалунной лиге, Пендлтон Херринг (1929) — о группах давления в Конгрессе, Элмер Шаттшнайдер (1935) — о политике и тарифах, Луиз Резерфорд (1937) — об американской ассоциации баров, Оливер Гарсо (1941) — об американской медицинской ассоциации, и т.п. Все эти работы межвоенных лет оставили свой след в развитии американской политической науки. Реализм и эмпиризм первых исследователей данного направления, проявившиеся при изучении явлений, связанных с тем, что некоторые называют “теневым кабинетом” или “неформальным правительством”, привлекли внимание многих представителей предшествующего поколения американских политических теоретиков, в т.ч. таких, как Фрэнк Гудноу (1900) и Вудро Вильсон (1887).

*Здесь и далее в скобках дана, как правило, дата издания одного из самых значительных трудов автора. Полностью библиографический аппарат будет приведен в готовящемся к публикации учебнике. — Ред.

Чикагская школа

Итак, в первые десятилетия XX в. понятие “научного” познания политики обрело более глубокое содержание. Такие выдающиеся представители европейской политической науки, как Конт, Милль, Токвиль, Маркс, Спенсер, Вебер, Дюркгейм, Парето, Михельс, Моска, Острогорский, Брайс и другие, заложили — или закладывали — основы для развития политической социологии, антропологии и психологии, благодаря которым исследование политических процессов приобрело осознанный характер. Эмпирическое рассмотрение властных и политических процессов проложило себе путь и в американские университеты, где в те десятилетия методологически политика изучалась в основном на базе юридических, философских и исторических дисциплин. Заслуга чикагской школы политической науки (20-40-е годы) — в обосновании ее представителями на примерах конкретных эмпирических исследований того обстоятельства, что подлинное развитие политического знания может быть достигнуто при помощи стратегии междисциплинарных исследований с применением количественных методологий и за счет организованной поддержки научных разработок. Другие авторы стали употреблять тот язык, которым Чарльз Мерриэм (1931) излагал свои взгляды в книге “Современное состояние политической науки”. Основанная Мерриэмом в 20-е годы нашего столетия школа, где работали многие его ученики, сделала большой шаг вперед в повышении требовательности к качеству эмпирических исследований, убедительности их выводов и во введении институционального измерения в изучение политических проблем.

Стать выдающимся ученым-новатором своего поколения в области политической науки Мерриэму помогло динамичное развитие Чикаго — там были накоплены большие материальные ресурсы, и в первые десятилетия нашего века явно прослеживалось стремление к развитию культуры, — а также взаимосвязь его академической работы и политической карьеры. Надежды Мерриэма на высокий политический пост рассеялись, когда в 1919 г. он потерпел поражение на выборах мэра Чикаго, не оправдавших его расчет занять положение “Вудро Вильсона Среднего Запада”. Вместе с тем он был не способен всецело посвятить себя спокойной академической карьере. Годы, отданные городской политике, как и приобретенный в период войны опыт в области международных отношений и пропаганды, обострили его восприимчивость к “новым аспектам” политических исследований. Вскоре после возвращения в Чикагский университет с поста, связанного с деятельностью в области “общественной информации” в Италии, он опубликовал своего рода декларацию о намерениях под названием “Новые аспекты” (1931) и занялся различными исследовательскими программами под эгидой чикагского департамента образования, о которых говорили как о некой новой “школе” научных разработок. Мерриэма с полным основанием можно назвать новатором в науке: сначала он создал при Чикагском университете Комитет по исследованиям в области общественных наук, в задачи которого входила финансовая поддержка наиболее перспективных проектов чикагских ученых; а затем стал инициатором организации Совета с аналогичным названием, целью которого было оказание подобного содействия специалистам уже на общенациональном уровне.

Работа над первым крупным исследовательским проектом, начатым в Чикагском университете, велась под началом Гарольда Госнелла, защитившего диссертацию под руководством Мерриэма в 1921г. и назначенного там на должность ассистента в 1923г. Он сотрудничал с Мерриэмом в изучении установок шести тысяч избирателей во время выборов мэра Чикаго в 1923 г. Их отбор был проведен еще до начала применения “вероятностной выборки” на основе контрольного квотирования, которое позволяло учесть характеристики основных демографических групп населения Чикаго (в то время контрольное

квотирование, доверие к которому было подорвано в ходе кампании Трумэна — Дьюи в 1948 г., считалось “высшим мастерством” при определении представителей различных категорий населения). Опросы проводили студенты старших курсов Чикагского университета, подготовленные Мерриэмом и Госнеллом. Госнелл продолжил это исследование, в ходе которого состоялся первый в истории политической науки эксперимент по выявлению воздействия на исход голосования направленной агитации с целью обнаружить различия между национальными и местными выборами. Техника проведения эксперимента, примененная Госнеллом (1927), была достаточно строгой: участники экспериментальных и контрольных групп проходили тщательный отбор, к опрашиваемым применяли различные стимулы, полученные результаты анализировали на основе самых передовых для того времени статистических методологий. После этого Госнелл, первый из специалистов в области политических наук решившийся на такой эксперимент, провел аналогичные исследования в Англии, Франции, Германии, Бельгии и Швейцарии.

Гарольд Лассуэлл (1902-1978 гг.), необычайно одаренный ученый, родившийся в небольшом городке в Иллинойсе, сумел блестяще применить систему Мерриэма к политической психологии. Успехи, достигнутые им в возрасте от 20 до 40 лет, были поистине впечатляющими. С 1927 по 1939 г. он опубликовал шесть книг, причем новаторских, раскрывающих неизученные ранее измерения и аспекты политики. Первая из этих монографий — “Технология пропаганды в мировой войне” (1927) — ввела в научный оборот методы исследования массовых коммуникативных процессов (в 1935 г. в дополнение к этой работе Лассуэлл издал почти не уступающую ей по объему аннотированную библиографию под названием “Пропаганда и продвижение”). Она положила начало новому типу научной литературы о средствах массовой информации, пропаганде и связях с общественностью. Его вторая монографическая работа “Психопатология и политика” (1930) представляла собой исследование “глубинной психологии политики”, проведенное на основе анализа деятельности конкретных политиков, часть из которых имела нарушения психики. В третьей книге “Мировая политика и личная незащищенность” (1935) рассматривались психологические основы и отдельные аспекты политического поведения личности, различные типы политических режимов и политические процессы. Четвертая работа Лассуэлла — знаменитая “Политика: кто что, когда и как получает” (1936) — сжатое изложение общей политической теории; основное внимание в этой монографии уделялось взаимодействию элит, конкурирующих между собой в достижении таких ценностей, как “доходы, почет и безопасность”. В 1939 г. ученый опубликовал еще один труд — “Мировая революционная пропаганда: чикагское исследование”, в котором он вместе с Блуменстоком изучал воздействие мирового экономического кризиса на политические движения в среде чикагских безработных, с акцентом на взаимовлиянии макро— и микрофакторов на политику на местном, национальном и международном уровнях. Он стал первым исследователем комплекса физиологических и эмоционально-мыслительных процессов, применявшим лабораторные методы анализа. За этот же период Лассуэлл опубликовал несколько статей по результатам проведенных им экспериментов, выяснявших взаимообусловленность установок, эмоционального состояния, вербальных высказываний и физиологических параметров политических деятелей на основании анализа их интервью, показателей частоты пульса, кровяного давления, мышечного напряжения и т.п.

Наряду с Госнеллом и Лассуэллом, все свое время посвятившим осуществлению “чикагской революции” в области общественных наук, ведущие ученые факультета, в число которых входил сам Мерриэм и его коллеги Кинси Райт, занимавшийся международными отношениями, и Л.Д.Уайт, специалист по социальному управлению, — также сыграли большую роль в укреплении репутации чикагской школы. Мерриэм спонсировал подготовку и издание ряда книг по формированию гражданства в США и Европе, которые с полным правом можно назвать предшественницами современных исследований политической социализации и политической культуры.

Вторая мировая война и послевоенная поведенческая революция

Чикагская школа продолжала свою плодотворную работу до конца 30-х годов, пока университетская администрация во главе с Хатчинсом не подвергла сомнению ценность эмпирических исследований в области общественных наук. Некоторые известные профессора философского факультета, включая Джорджа Герберта Мида и других ведущих “прагматиков”, подали в отставку и перешли в другие университеты. Из специалистов по политическим наукам университет покинули Лассуэлл и Госнелл, а выход на пенсию Мерризма практически свел на нет деятельность Чикагского факультета политической науки. Несмотря на это, работы ведущих ученых чикагской школы уже прочно вошли в научный оборот, что обеспечило им будущее.

Вторая мировая война стала своего рода лабораторией и важнейшим источником опыта для многих ученых, которые позднее приняли участие в “поведенческой революции”. Проблемы того времени: обеспечение высокого уровня производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности при сокращении численности рабочей силы; набор и подготовка солдат для сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил и возвращение их после прохождения воинской службы к обычной гражданской жизни; продажа облигаций военного займа; контроль уровней потребления и инфляции; моральные ориентации и обеспечение надзора за отношением населения страны к врагам и союзникам — наряду с многими другими создали повышенный спрос на специалистов в области общественных наук во всех подразделениях военной и гражданской администрации. Требования военного времени привели к резкому увеличению спроса на гуманитарную экспертизу, что в свою очередь обусловило бурное развитие академических институтов в послевоенные десятилетия.

Работая в Министерстве юстиции, Лассуэлл систематически проводил количественный контент-анализ зарубежной прессы с целью исследования направленности пропаганды союзников и противников Соединенных Штатов. Кроме того, вместе с такими специалистами в области общественных наук, как Ганс Шпейер, Гудвин Уотсон, Натан Лейтес и Эдвард Шилз, он работал в аналитической группе отдела вещания на зарубежные страны, контролировавшейся разведывательным управлением при Федеральной комиссии по средствам массовой информации, где наряду с прочими проблемами анализировалось содержание нацистских информационных сообщений о состоянии внутренней политики и морали в Германии и оккупированных государствах Европы. Для выработки оптимальных решений послевоенных проблем в различных военных учреждениях, а также в министерствах сельского хозяйства, финансов, Верховном суде и таких организациях, как Управление по ценообразованию и Управление военной информации стали применять технику эмпирических исследований и другие методы опросов, статистический анализ и особенно теорию выборки. Потребности военного времени обусловили возросший интерес и к антропологии, имевшей в то время психиатрически-психоаналитическую ориентацию. Ответы на вопросы о причинах возникновения фашизма и нацизма, политического падения Франции, культурной уязвимости России, Англии и Соединенных Штатов ученые пытались найти, изучая структуру семьи, социализацию детей и модели культурного развития. Для проведения антропологической и психологической экспертизы специалисты Управления военной информации и Министерства обороны прибегали к помощи Рут Бенедикт, Маргарет Мид, Кору Дюбуа, Клайда Клакхона, Эрнеста Хилгарда, Джеффри Горера и других ученых. Социальные психологи и социологи, специализировавшиеся на опросах общественного мнения и в области экспериментальной социальной психологии (Ренсис Лайкерт, Энгус Кэмпбелл, Пол Лазарсфелд, Герберт Хаймен, Сэмюэль Стауфер и Карл Ховленд), работали по заказам сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, над проблемами управления персоналом для Министерства сельского хозяйства, стремившегося к увеличению объема производства пищевых продуктов, и

Министерства финансов, заинтересованного в продаже облигаций военного займа, а также для различных разведывательных организаций, включая Управление стратегических служб. Молодые политологи в годы войны тоже сотрудничали с этими организациями, проходя профессиональную стажировку под руководством ведущих ученых.

Приобретенный в этот период опыт междисциплинарного синтеза оказался очень полезным в годы быстрого послевоенного роста академических учреждений и в годы холодной войны. В связи с развитием системы высшего образования и расширением сфер применения достижений политической науки ее преподавание было введено во многих учебных заведениях, где раньше обучение этой дисциплине отсутствовало. Изучение международных отношений, простимулированное важной ролью Америки в мире в послевоенный период и во время холодной войны, было введено с тех пор в подавляющем большинстве новых исследовательских центров в Йельском, Принстонском и Колумбийском университетах, Массачусетском технологическом институте и Гарварде, а в 50-60 годы оно получило распространение в университетах Среднего Запада и Запада страны. При формировании штатного расписания сотрудников этих новых научно-исследовательских институтов и университетских факультетов политической науки учитывались не только ставшие уже традиционными субдисциплины (международное право, история международных отношений и организаций), но и новые направления развития предмета международных отношений — проблемы безопасности, политической экономии зарубежных стран, общественного мнения и политической культуры. Отношения с недавно получившими независимость развивающимися странами Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки, которые тогда рассматривались как объекты агрессивных притязаний со стороны Советского Союза, требовали подготовки экспертов по регионалистике, а также по экономическим и политическим процессам в этих государствах. Факультеты политической науки быстро разрастались, чтобы подготовить необходимое число молодых специалистов в соответствии с программами развития региональных исследований и международных отношений.

Особенно большим спросом пользовались услуги тех ученых, которые во время второй мировой войны занимались эмпирическими исследованиями. Бизнесменам была нужна информация о том, как лучше всего продавать свою продукцию; политики хотели знать о склонностях и намерениях своих избирателей. По сравнению со скромными начинаниями 30 — 40-х годов в послевоенные десятилетия эмпирические и маркетинговые исследования переживали период небывалого подъема, что отметил Конверс (1987). Направленность их, таким образом, была двоякая — и коммерческая, и академическая. Основными академическими центрами, где проводились такого рода научные изыскания, стали: Мичиганский университет с работавшими при нем Институтом социальных исследований (ИСИ) и Центром опросов, основанным психологами Ренсисом Лайкертом, Энгусом Кемпбеллом и Дорвином Картрайтом; Бюро прикладных социальных исследований при Колумбийском университете, созданное социологами Полом Лазарсфелдом и Робертом Мертоном; Национальный исследовательский центр по изучению общественного мнения при Чикагском университете, который в первые годы существования возглавлял социолог Клайд Харт. Именно сотрудники этих трех организаций в послевоенные десятилетия опубликовали многочисленные работы и подготовили тот профессорско-преподавательский состав, который впоследствии внес большой вклад в осуществление «поведенческой революции».

Из этих трех университетских центров наибольшее значение в плане подготовки специалистов по политической науке имел Мичиганский университет. В действующем при нем Институте социальных исследований еще в 1947 г. была открыта Летняя школа, где молодых политологов и других обществоведов обучали применению эмпирических методов. За прошедшие годы в рамках этой

программы по технике эмпирических и электоральных исследований прошли подготовку сотни американских и зарубежных политологов. В 1961 г. в Мичигане был создан Межуниверситетский консорциум политических и социальных исследований (ICPSR), поддержанный вошедшими в его состав университетами, при котором действовал быстро увеличивавший свои фонды архив доступных для компьютерной обработки результатов опросов и других количественных данных. Этот архив стал важным источником информации при подготовке большого количества диссертационных работ, статей для научных журналов и многих важных монографических исследований, в которых освещены различные аспекты развития демократического процесса. Работающие там специалисты проводят собственную летнюю программу по обучению количественным методам анализа.

В 1977 г. Центр электоральных опросов при Мичиганском университете был преобразован в Американский национальный центр электоральных исследований (NES), располагающийся в Центре политических исследований (ИСИ) и возглавленный Уорреном Миллером. Общее руководство осуществляет Независимый международный совет, не подотчетный американским университетам, которому Национальный научный фонд выделил большой грант. Совместно с этим Советом (под председательством вначале Хайнца Эйлау из Стэнфордского университета) в Центре электоральных опросов регулярно проводятся исследования национальных избирательных кампаний, в которые немалый вклад вносят представители всех крупнейших национальных политологических и иных гуманитарных сообществ, а публикуемые результаты становятся достоянием научного сообщества в целом.

Если в период между первой и второй мировыми войнами решающую роль в развитии политической науки сыграл Чикагский университет, где была создана новаторская исследовательская школа, совершившая подлинную революцию в изучении политических процессов, то в послевоенные десятилетия основные функции в распространении политической науки в большинстве академических центров как в Соединенных Штатах, так и в других странах взял на себя Институт социальных исследований при Мичиганском университете. Во время летних занятий несколько сотен американских и зарубежных молодых специалистов получили там навыки эмпирических и статистических методов исследования; его архивные материалы стали важными источниками для подготовки учеными многочисленных статей и книг. Проведенные в Мичигане исследования электоральных процессов признаны образцом международного уровня.

Распространение и совершенствование эмпирической политической теории затронуло не только техническую и теоретическую стороны изучения электоральных процессов. Такие области, как международные отношения и сравнительная политология, развивались столь же динамично, как и анализ американских внутривнутриполитических процессов. В них также применялись количественные и междисциплинарные подходы. За несколько послевоенных десятилетий в основных университетских центрах, ведущих подготовку аспирантов, — Йеле, Калифорнийском университете в Беркли, Гарварде, Мичигане, Висконсине, Миннесоте, Стэнфорде, Принстоне, Массачусетском технологическом институте и других — сотни соискателей получили ученые степени по политической науке, после чего им была предложена работа во многих американских и зарубежных колледжах и университетах. В большинстве этих учебных заведений в послевоенные десятилетия аспиранты прошли курсы по количественным методам исследований.

В 40 — 60-е годы подготовке специалистов в значительной мере способствовала поддержка возглавляемого Пендлтоном Херрингом Совета по исследованиям в области общественных наук, который предоставлял аспирантам и начинающим исследователям стипендии, а также финансировал ряд исследовательских программ. Два его исследовательских комитета, занимавшихся политической наукой — Комитет по политическому поведению и

отделившийся от него Комитет по сравнительной политологии, — особенно активно распространяли эти идеи и практику. Первый из них направлял и поддерживал как электоральные, так и исследования по законодательству, проводившиеся в Америке. Второй — руководил развитием региональных и компаративных исследований. Если большинство участников этих программ были американскими политологами и обществоведами, то около одной пятой ученых, приглашенных на конференции, организованные Комитетом по сравнительной политологии в 1954-1972 г., приезжали из-за рубежа. Некоторые из них, в частности, Стейн Роккан, Ганс Даадлер, Сэмюэль Файнер, Ричард Роуз, Джованни Сартори, были лидерами движения за развитие и совершенствование социально-политических исследований — как на европейском, так и на национальных уровнях.

Именно в эти годы политическая наука как дисциплина приобретает характер современной “профессии”. Факультеты политической науки, государственного управления и политики впервые возникли в конце XIX в. на основе сотрудничества и благодаря совместным усилиям историков, юристов и философов. В первые десятилетия XX в. во многих американских университетах такие факультеты уже существовали, однако считались “второстепенными”. В 1903 г. была основана Американская ассоциация политической науки, в которую входило немногим более 200 специалистов. К концу второй мировой войны численность Ассоциации достигла 3 тыс. человек, к середине 60-х годов превысила 10 тыс., а в настоящее время она объединяет более 13 тыс. индивидуальных участников. В основном это преподаватели высших учебных заведений, организованные по секциям многочисленных субдисциплин. Большинство ассоциированных членов имеет ученую степень доктора политической науки, присвоенную в одном из ведущих центров подготовки соискателей. Как правило, для ее получения необходимо сдать определенное число экзаменов по специальности и методологии, а также осуществить крупный исследовательский проект. Научная репутация ученого оценивается по количеству публикаций, рекомендованных к изданию “мнением равных”. Продвижение на научном поприще обычно зависит от положительных отзывов коллег, занимающихся изучением аналогичных проблем. Выходит несколько десятков периодических журналов по отдельным отраслям политической науки, материалы которых публикуются после одобрения другими специалистами в этой области.

За полвека со времени окончания второй мировой войны преподавание политической науки и исследования в этой области привели к созданию масштабной академической дисциплины, в рамках которой успешно развиваются многие отрасли; ее неуклонное движение вперед позволило нам значительно лучше понять политические процессы и их проявления. Материалы региональных изысканий, проведенных в Западной и Восточной Европе, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке тысячами квалифицированных специалистов, которые работают в центрах “региональных исследований” при университетах и колледжах (также имеющих собственные профессиональные объединения и печатные издания), послужили основой для научных библиотек по данной проблематике.

Мы уже говорили о распространении и усложнении электоральных исследований. Получаемые на их основании прогнозы в определенной степени можно сравнить с предсказаниями метеорологов или сейсмологов. Мы сделали большой шаг вперед в понимании политической культуры, ее воздействия на политические институты и их эффективность, а также субкультур отдельных элит и других социальных групп, играющих большую роль в общественной жизни. К эмпирическим исследованиям такого рода можно отнести работы Гэбриела Алмонда, Сиднея Вербы, Алекса Инкелеса, Рональда Инглхарта, Сэмюэля Барнса и Роберта Патнэма. По преимуществу описательно-аналитический подход к предмету представлен в трудах Люсьена Пая (1962; 1985; 1988. Благодаря

серии исследований, проведенных в последние десятилетия Вербой и его сотрудниками, существенно расширились наши представления о политическом участии.

Применение агрегированных статистических методов исследования позволило более полно описать процессы модернизации и демократизации, а также функционирование государственных институтов. Успешно и плодотворно ученые занимались проблемами групп интересов и феномена “корпоративизма”, а также оценкой роли политических партий в развитии демократического процесса .

В работах Роберта Даля, Арендта Лейпхарта и Джованни Сартори значительное развитие получила теория демократии. Концепция демократизации была разработана в трудах Хуана Линца, Лэрри Даймонда, Филиппа Шмиттера, Гильермо О’Доннела, Сэмюэля Хантингтона и других. А подход к изучению демократии Роберта Даля (1989) являет собой пример того, как нормативная и эмпирическая политические теории могут обогатить друг друга.

Хотя основное внимание мы уделили здесь развитию и распространению эмпирических, объясняющих и количественных аспектов политической науки, определенный “прогресс” был достигнут и в традиционных областях дисциплины. Концепции и умозаключения политических историков, философов и юристов теперь основываются на гораздо более развитой методологии отбора и накопления информации, и на возросшей требовательности к ее анализу и выводам. Работы сравнительных политических историков (Мура, Скокпола) внесли важный вклад в теорию государства, политических институтов и публичной политики. Совершенствование методики case studies Гарри Экстайном и Александром Джорджем повысило научные критерии для разработок, посвященных сравнительной и внешней политике. Сочинения Алмонда и его сотрудников, Адама Пшеворского и Джеймса Тьюна, Аренда Сайфарта, Нейла Смелзера, Маттеи Догана, Дэвида Кольера и Гэри Кинга, Роберта Кеохэйна и Сиднея Вербы внесли заметный вклад в развитие методологии корпоративистики.

Благодаря трудам Роулса, Нозика, Бэрри, Уолцера, Фишкина и других ученых, значительных успехов достигла нормативная политическая философия, причем не без влияния эмпирических исследований. Уильям Гэлстон в недавно вышедшем издании “Политическая наука: состояние дисциплины II” (1993) отмечает, что развитие политической философии и теории все больше зависит от эмпирических данных, многие из которых получены в ходе наблюдений, проведенных как политологами, так и другими обществоведами. Гэлстон побуждает теоретиков политики систематизировать достижения эмпирических исследований постольку, поскольку они имеют непосредственное отношение к политической философии, как это делали Роберт Даль (1956), Деннис Томпсон (1970) и Джеймс К. Уилсон (1993).

Современное рассмотрение судебной практики и публичного права, по мнению Мартина Шапиро (1993), также развивается в направлении более тесного взаимодействия юридических исследований с изучением политических институтов и процессов. Без правового анализа политическая наука в значительной степени утрачивает свою объясняющую способность, а правовой анализ, оторванный от институционального и процессуального политического контекста, формализуется и сущность его выхолащивается. Труды Шапиро и приумножающейся группы исследователей судебной практики и публичного права подтверждают справедливость такого вывода.

Развитие политической науки в Европе

Политическая наука зародилась и прошла первую стадию становления на средиземноморском побережье в эпоху античности, продолжая развиваться при средневековом католицизме, Ренессансе, Реформации, Просвещении и в Европе

XIX в.* , но этот процесс либо носил индивидуальный характер, либо происходил в замкнутых институциональных рамках — будь то греческие академии или европейские университеты средневековья и более поздних периодов. До последнего времени типичным подразделением европейского университета была профессорская кафедра, возглавляемая ученым, вокруг которого группировались меньшие научные величины — доценты и ассистенты. В послевоенные десятилетия некоторые из таких университетских кафедр были расширены и преобразованы в факультеты, на которых преподавательскую и исследовательскую работу по разным направлениям ведут уже несколько профессоров.

*Так же было в древней Индии и странах средневекового ислама, о чем пишут, соответственно, Рангаваджан (1987) и Раби (1967).

Один из номеров “European Journal of Political Research” (1991) посвящен послевоенной истории развития западноевропейской политической науки. В его вступительной редакционной статье отмечается, что успехи политической науки в Европе по вполне очевидным причинам были связаны с процессом демократизации, а также со становлением государства всеобщего благосостояния, поскольку активистское, открытое государство, стремящееся к всестороннему охвату общественных проблем, нуждается во все большем объеме информации о политических процессах и эффективности деятельности властных структур. Признавая тот факт, что развитие американской политической науки оказало на европейцев весьма значительное влияние, авторы статьи отмечают, что в Европе еще до начала второй мировой войны проводились “поведенческие” исследования электоральных процессов, например, Дюверже (1951/1976) во Франции и Тингстеном (1936/1963) в Швеции. Как было сказано выше, выдающиеся ученые в области общественных наук, идеи которых легли в основу творческого развития научной мысли Америки, были европейцами. Ричард Роуз (1990) указывает, что хотя главный потенциал развития современной политической науки после второй мировой войны принадлежал Соединенным Штатам, но основоположники американской политологии — Вудро Вильсон, Фрэнк Гудноуз, Чарльз Мерриэм — либо получали в Европе дипломы, либо после окончания высших учебных заведений в течение нескольких лет продолжали повышать квалификацию в европейских университетах, прежде всего в немецких. Образование, культура и профессиональное мастерство были качественно выше тогда в Старом свете по сравнению с Новым. До первой мировой войны американские ученые смотрели на себя как на провинциалов. В межвоенный период даже в таком новаторском центре образования, как Чикагский университет, Мерриэм все еще побуждал наиболее одаренных студентов после его окончания поехать на год в Европу для повышения уровня знаний и предоставлял им для этого материальную поддержку.

Захват власти нацизмом и фашизмом, опустошения, причиненные второй мировой войной, почти на десятилетие затормозили научную жизнь в странах континентальной Европы. Значительная часть немецких ученых, занимавшихся общественными науками, переселилась в Соединенные Штаты, где они не только внесли посильный вклад в борьбу, которую вела Америка в годы войны, но и обогатили систему американского образования и исследований в области социологии, психологии и политической науки. В Новой школе общественных наук в Нью-Йорке из европейских “изгнанников” было сформировано целое подразделение для подготовки аспирантов; в Америке трудно было найти высшее учебное заведение, где бы на факультетах общественных наук не преподавали эмигрировавшие из Европы профессора. Такие ученые, как Пол Лазарсфельд, Курт Левин, Вольфганг Келер, Ганс Шпейер, Карл Дойч, Ганс Моргентау, Лео Лоуенталь, Лео Стросс, Франц Нойманн, Генри Эрманн, Отто Киршмайер, Герберт Маркузе внесли весомый вклад как в создание эффекта “поведенческой революции” в Соединенных Штатах, так и в ее критику. Таким образом, политическая наука, привнесенная в Европу после второй мировой войны, в

определенной степени явилась развитием тех ее направлений, которые восходили к истокам европейских традиций.

В первые послевоенные десятилетия после восстановления Европы, обновления ее институтов и обеспечения их кадрами, все новое в общественных науках было преимущественно американского происхождения. В американских университетах и исследовательских центрах размежевание с правовым и историческим принципами при изучении правительственных институтов, политических партий и электоральных процессов, групп интересов, общественного мнения и средств массовой информации уже завершилось. По аналогии с планом Маршалла, направленным на восстановление разрушенной войной европейской экономики, ученые из Нового света, которых поддерживали американские благотворительные фонды, уезжали в Европу подобно миссионерам, стремившимся к обновлению и обогащению европейской науки с помощью разработанных в США эмпирического и количественного подходов. Десятки молодых европейских ученых, которым оказывал помощь фонд Рокфеллера и другие благотворительные организации, получали стипендии и приезжали для продолжения образования в Соединенные Штаты. Для участия в работе над американскими программами, осуществлявшимися Комитетом по сравнительной политологии (подразделением Исследовательской комиссии по общественным наукам), Мичиганским Центром электоральных опросов, проектом Инглхарта по политическим ценностям, приглашали специалистов из Европы, подготавливали их и нередко оказывали им материальную поддержку.

Такого рода односторонняя зависимость продолжалась недолго. Гуманитарные традиции и школы настолько глубоко укоренились в европейских национальных культурах, что уничтожить их в период нацистского господства оказалось просто невозможно. К 60-м годам были полностью восстановлены старые университеты и возникло много новых учебных и исследовательских центров. Европейские ученые вносили все более весомый вклад в развитие общественных наук. Комитет по политической социологии Международной социологической ассоциации состоял в основном из европейских ученых, хотя и объединял научные усилия континентальных и американских специалистов. Влияние его деятельности на динамику научной мысли в Европе во многих отношениях можно сравнить с той ролью, которую ранее играл Американский комитет по сравнительной политологии. Проводившиеся в Европе компаративные исследования (в частности, осуществлявшийся под руководством Даля, Лорвина, Даалдера и Роккана проект изучения демократических режимов небольших европейских государств) помогли существенно повысить профессиональный уровень специалистов, представлявших европейскую политическую науку. Центр эмпирических исследований при Мичиганском университете оказал заметное воздействие на внедрение самых современных методов электоральных исследований в Европе — в начале 60-х годов их начали проводить в Англии, а затем и в других европейских странах. После завершения каждого такого национального исследования в стране оставались подготовленные кадры специалистов, которые должны были и в дальнейшем заниматься электоральным анализом.

В 1970 г. на средства Фонда Форда был образован Европейский консорциум политических исследований (ECPR), ставивший перед собой примерно такие же цели, как комитеты по политической науке Американского совета по исследованиям в области общественных наук. Консорциум выделял средства на организацию обучения по научно-методологическим программам в обществоведении в летней школе (расположенной в Эссекском университете), на создание лабораторий при некоторых национальных центрах, где разрабатывались различные научные проблемы, а также на реализацию совместных исследовательских проектов. При его содействии был создан Архив осуществленных исследований и начало выходить профессиональное периодическое издание "The European Journal of Political Research".

Коллективными членами ECPR становятся факультеты и научно-исследовательские организации; в 1989 г. в его состав входило 140 таких учреждений. В справочнике 1985 г. о европейских ученых, занимающихся политической наукой, было перечислено почти 2,5 тыс. имен. Уровень развития политической науки в отдельных европейских государствах определяется количеством национальных научных организаций, являющихся членами ECPR. Из 140 входивших в Консорциум в 1989 г. научных организаций 40 приходилось на Великобританию, 21 — на Германию, 13 — на Нидерланды, 11 — на Италию и 5 — на Францию. Влияние американской политической науки как на европейскую, так и на мировую в определенной степени находит отражение в показателях численности зарубежных членов Американской ассоциации политических наук и, соответственно, подписчиков журнала "American Political Science Review": в Великобритании, Германии и Японии их количество значительно превышает 100 человек в каждой стране; в Израиле, Южной Корее и Нидерландах — примерно по 50; в Норвегии, Швеции и на Тайване — около 30 ; во Франции — 27.

К 90-м годам ученые, профессионально изучающие разнообразные функциональные направления политической науки как дисциплины, имеющей общепринятую концепцию предмета исследования, и организованные в Международную ассоциацию политических наук и в различные национальные и региональные объединения, прочно утвердились в глобальном научном знании.